

Лян Су не знала, какое выражение лица ей следует принять, столкнувшись с тем, что она попала в книгу.

Сказать, что ей грустно? На самом деле, ей всегда хотелось испытать нечто подобное.

Но сказать, что она рада? Она — та самая «настоящая» дочь, которой в итоге суждено умереть.

Хотя эта «дешевая» сестренка тоже погибнет, да еще и свяжется с подонком, который под предлогом любви будет обманывать женщин направо и налево, но ведь она — главная героиня!

— Сестренка? — Лян Юй слегка обняла ее, от нее пахло гардениями. — Сестренка, все позади. Мы все здесь.

Нет, не так.

Если человек уже мертв, какая еще главная героиня?

Я не хочу умирать.

Значит, пусть лучше умрет она? А заодно неплохо было бы пнуть под зад того притворщика-негодяя.

— Вы можете остаться со мной? — Лян Су выдавила пару слезинок. — Мне так страшно.

Как бы то ни было, сначала нужно наладить отношения с сестрой.

А если этого будет недостаточно, тогда она убьет всех, кто посмеет встать у нее на пути к выживанию.

Лян Юй не заметила промелькнувшего в глазах Лян Су убийственного намерения, но врач, который не сводил с нее глаз, увидел все — амнезия, склонность к селфхарму, антисоциальное расстройство... Это было просто ужасно.

Он потянул господина Ляна за собой в коридор и, понизив голос, сообщил ему предварительный диагноз.

Хотя это было лишь суждение, основанное на опыте доктора, требующее подтверждения анализами, но... предварительные диагнозы доктора Ли всегда оказывались пугающе точными.

Господин Лян взглянул на палату, и его сердце сжалось от невыносимой боли.

Он наводил справки о приемной матери своей дочери: знал, что она тоже носила фамилию Лян, была уважаемым профессором университета и души не чаяла в своей дочери.

Как Сусу могла не страдать, потеряв такую мать?

Даже если защитный механизм мозга заставил ее забыть многое, она все еще помнила имя Лян Су, которое дала ей приемная мать, и при всплывании воспоминаний инстинктивно чувствовала боль.

Пожалуй, пусть и дальше носит имя Лян Су — в память о той женщине.

— Мы слишком многим ей обязаны.

— Господин Лян, я сочувствую судьбе вашей дочери, — врач набрался смелости, чтобы прервать его печаль, — но я обязан напомнить: ее состояние крайне нестабильно, и это очень опасно для окружающих. Особенно для госпожи Лян Юй.

— Сяо Юй? Но она ведь так тянется к ней? — опешил господин Лян.

Врач вздохнул:

— Господин Лян, у вашей родной дочери очень высокий интеллект. Если она захочет, то с легкостью притворится совершенно нормальным человеком.

Он снова посмотрел в сторону палаты, как раз в тот момент, когда Лян Юй укладывала Лян Су спать. Эта трогательная сцена заставила врача покрыться испариной.

— Но почему Сяо Юй? Она ведь ни в чем не виновата.

— Пока неясно, почему, — врач помолчал, а затем добавил: — И еще... господин Лян Тинсун, она вполне может испытывать неприязнь и к вам, и к вашей супруге.

Лян Тинсун долго молчал:

— Организуйте обследование мозга как можно скорее. Как только рана на ноге заживет, выписывайте ее.

— Но...

Мужчина, прямой, как сосна, жестом остановил врача:

— Я знаю, что вы желаете нам добра, но сейчас отправлять ее в психиатрическую больницу не имеет смысла. Мы как можно скорее заберем ее домой. Вы знаете положение семьи Лян: в каком бы состоянии она ни была, мы сможем ее обеспечить и позаботиться о ней. Даже если что-то случится, мы не станем винить вас, не волнуйтесь.

— Что вы, господин Лян, — доктор Ли давно слышал о его благородстве, но только сейчас ощутил его в полной мере, — я буду регулярно навещать госпожу Лян для осмотров. Вы сами будьте внимательнее.

Доктор Ли подробно перечислил рекомендации по восстановлению, и к концу разговора уже совсем стемнело.

Лян Тинсун позвонил своим людям, чтобы те подготовили комнату, и, приведя чувства в порядок, вернулся в палату.

Лян Су уже спала, крепко вцепившись в руку Лян Юй.

— Инянь, — он заметил, что жена не в духе, похлопал ее по плечу и вывел в коридор. — Что случилось?

— Старый Лян, может, нам не стоило искать Сусу?

— Как ты можешь такое говорить?

Чжао Инянь была очень эмоциональным человеком, а это значило, что она ко всему относилась крайне чутко:

— Сусу наверняка ненавидит нас, поэтому и тянется только к Сяо Юй.

— Нет, дорогая, это не так.

— Как не так? Сусу хотела убить меня, я это почувствовала, — в глазах Чжао Инянь снова выступили слезы. — Если ей от этого станет хоть немного легче, я готова.

Лян Тинсун был потрясен, лишь спустя время он смог ответить:

— Но она этого не сделала. Она изо всех сил борется с этими мыслями и чувствами. Ты — мать, ты не можешь сломаться раньше нее. Только так наша дочь поправится.

Чжао Инянь со слезами на глазах кивнула.

— И насчет имени — пусть остается. Сусу или Су-су, она в любом случае наша дочь.

— Хорошо. Лишь бы она была здорова, имя не так важно.

В комнате Лян Су все это время притворялась спящей.

Здесь было слишком тихо — настолько, что она слышала легкое дыхание Лян Юй и то, о чем шептались ее «родители».

Она что, правда догадалась, что я задумала?

Почему?

Неужели из-за того, что она настолько слаба, что стала сверхчувствительна к опасности и жажде убийства? Или это та самая пресловутая связь матери и дочери?

Лян Су вспомнила ту беззащитную шею и содрогнулась.

Они... они действительно так любят свою дочь?

Осознав это, обычный человек, возможно, почувствовал бы угрызения совести за то, что украл любовь, предназначавшуюся оригиналу, но Лян Су — нет.

Она лишь с радостью примет семейную любовь, которую никогда раньше не знала, и будет защищать их изо всех сил.

Хорошо. Как же хорошо.

Ни в данжах, ни за их пределами не было таких людей, и уж тем более невозможно было испытать подобную любовь.

Может быть...

Может быть, я действительно покинула тот мир, где нужно бороться за жизнь каждую секунду.

Лян Су попыталась убедить себя в этом.

Она думала, что это будет непросто, но оказалось, что совсем наоборот.

Эта ночь прошла спокойно.

Возможно, из-за успокоительного, а может, из-за того, что она убедилась в безопасности, Лян Су спала очень крепко.

Когда она открыла глаза, то увидела совершенно незнакомую комнату — лаконичный, но уютный интерьер, нежно-желтые стены. Солнечный свет лился из огромного окна в пол, освещая картину, окруженную живыми цветами и зеленью.

Никакого запаха антисептика. На ней была не больничная пижама, а удобная одежда, гипс с ноги сняли, заменив его на более комфортную шину.

— Госпожа, подождите минутку, я сообщу госпоже, что вы проснулись.

Лян Су вздрогнула от неожиданности. Приглядевшись, она увидела старика в костюме дворецкого, который стоял у двери; из-за массивного шкафа она его раньше не заметила.

— Постойте.

— Какие будут указания, госпожа?

— Мама занята? — Лян Су поняла, что она дома.

— Приехали господин Гу и старейшина Гу, госпожа и хозяин принимают их.

— Тогда пусть закончат свои дела, я не хочу им мешать.

— Это невозможно, — голос дворецкого стал мягче, — госпожа все время беспокоилась о вас, если она узнает, что вы проснулись, ей будет спокойнее.

Лян Су ничего не ответила, и дворецкий вышел.

Эта жизнь казалась совсем нереальной.

Хотя она еще не привыкла, но было неплохо — Лян Су и сама не хотела долго оставаться в больнице.

Комната была отличная, единственным недостатком была эта огромная кровать в стиле принцесс и плюшевый мишка на подушке.

Лян Су дернула уголком рта:

— Я ведь уже не ребенок...

И все же, будучи «не ребенком», Лян Су протянула руку, потыкала мишку в нос, повертела его в руках, а потом обняла и начала тискать.

Затем она с улыбкой оторвала мишке глаз — за ним была спрятана миниатюрная камера. Она замерла на пару секунд, пытаясь раздавить устройство, но не вышло.

— Почему ты не пришел ко мне лично?

Когда Чжао Инянь вошла в комнату, она услышала только этот вопрос. А присмотревшись, в ужасе замерла:

— Су-су, что случилось? Тебе не нравится эта игрушка? Твой брат Гу совсем не понимает женщин, раз дарит такое...

Понятно. К слежке семья Лян отношения не имеет.

Но нужно продолжать играть роль бедной жертвы.

— Су-су, ты можешь сказать маме, кого ты просила прийти?

Лян Су молчала, и только когда женщина подошла ближе, она увидела, что ее драгоценная дочь плачет.

— Мама... вы, должно быть, очень боитесь меня?

— Что ты, как ты могла такое подумать? — Чжао Инянь, поняв, в чем дело, выхватила мишку, и, увидев камеру, затряслась от гнева.

— Тогда зачем вы следите за мной? — Лян Су заплакала еще сильнее. — Вы боитесь приходить ко мне...

— Малышка, не плачь, это не имеет отношения ни к папе, ни к маме, ни к сестре. Это твой брат Гу Тинли подарил тебе... подарок, — Чжао Инянь была в ярости, но старалась не показывать этого при дочери. — Он сейчас внизу, хочешь, мама притащит его сюда, чтобы он извинился?

Плюшевый мишка и мажор...

А, вспомнила.

Первый конфликт между оригиналом и Лян Юй произошел из-за того, что оригинал хотела выйти замуж за этого мужчину, хотя он был помолвлен с Лян Юй.

Просто слов нет. Неудивительно, что оригинал была как будто под приворотом: этот тип, с которым она виделась всего пару раз и который подарил ей только этого мишку, стал для нее всем. Оказалось, он просто изучил ее характер через камеру и мог обвести вокруг пальца парой слов.

В итоге конфликт был между сестрами Лян, а «родная дочь» досталась ему как трофеем.

Кулаки сжались сами собой.

— Ох, мама погорячилась, ты, должно быть, испугалась?

— Я не боюсь, — Лян Су покачала головой. — Но... вы с папой и сестрой будете рядом со мной?

— Мы всегда рядом.

— Тогда я буду ждать вас. — Лян Су протянула ей мишку и, проводив Чжао Инянь взглядом, едва сдержала холодную усмешку.

Этот кобель Гу Тинли не раз подстрекал оригинал подставлять Лян Юй, а позже — вставлял палки в колеса семье Лян.

Хотя в итоге он разорился из-за «главного героя» Лян Юй, но как Лян Су могла позволить ему

так долго портить всем жизнь?

Всего лишь негодяй, который использует женщин для достижения своих целей — талантов у него ноль. Как только она поправится, первым делом отправит его на тот свет.

Но до этого нужно расторгнуть его помолвку с Лян Юй, а то больно уж от него веет неудачей.

Лян Су посмотрела на свою ногу в шине, и в голове созрел план.

Через десять минут дверь снова отворилась.

Сначала вошли члены семьи Лян с ледяными лицами, а за ними — старик с грозным видом, тащивший за ухо молодого человека.

— Гу Тинли, ну ты и внук у меня! Посмотри сам, как жалко выглядит твоя сестра! Что это ты ей принес?

— Дедушка, я же хотел как лучше для сестренки! — Гу Тинли тер ухо, на лице — полное недоумение.

— Мерзавец! — старик пыхтел от злости, но голос был громким, а серьезных мер к мужчине он не принимал.

— Болезнь сестренки Су-су требует постоянного контроля, я подумал, что если спрятать камеру в игрушку, это будет незаметно и не потревожит ее, — Гу Тинли посмотрел на Лян Тинсуна. — Достаточно просто установить приложение...

— Заткнись! — Чжао Инянь, словно наседка, защищающая цыпленка, вскрикнула. — Мы с Ляном еще живы, и не тебе, чужаку, учить нас, как растить дочь!

— Чужаку? — Гу Тинли сделал вид, что очень ранен. — Неужели в ваших глазах я просто чужой человек?

Лян Су: ?

Почему этот парень такой «чайный»?

— Мы еще не поженились, конечно, ты чужой, — холодно отрезала Лян Юй.

— Сяо Юй!

— Тогда давай так: завтра я тоже подарю дедушке камеру. Он человек в возрасте, если что случится — будет хлопотно, — Лян Юй с усмешкой перебила его. — Тинли, ты ведь не откажешься от моей заботы?

Старик Гу замялся, его лицо покраснело, как печень, а Лян Тинсун, будучи человеком приличным, не хотел раздувать скандал.

— Как ты разговариваешь? — он символически пожурил Лян Юй. — Иди, побудь с сестрой.

По сути, если бы Гу извинился, на этом инцидент был бы исчерпан, и его поведение списали бы на «хотел как лучше».

Но Лян Су, конечно, не собиралась так просто его отпускать.

Раз уж мы играем в «зеленый чай», то кто кого переиграет?

Как только Лян Юй подошла к кровати, Лян Су прижалась к ней, поникнув и молча.

Когда старик Гу и Гу Тинли закончили свой спектакль, и младший Гу, выдавив крокодиловы слезы, направился к ним, Лян Су тихо прошептала:

— Простите... лучше бы я ничего не находила...

<http://bllate.org/book/20730/2075023>